КРОКОДИЛ

№ 2 (1688) • ГОД ИЗДАНИЯ 41-й • 20 ЯНВАРЯ 1963



Рисунок Е. ГОРОХОВА

— Не волнуйтесь, ваше рацпредложение сейчас найдут...



Адский огонь

На нефтепромыслы, вы верьте иль не верьте,
Из подземелья ад перетащили черти,
И грешников сковал невольно страх:
На милосердие пропали все надежды —
Теперь-то черти их поджарят на кострах
Поосновательней, чем прежде.
Ведь им, чертям, теперь не нужно дров
И целый штат держать истопников.
Зачем? Когда во всей степи подряд,
Как в преисподней, факелы горят!

Михаил ВОЛОВИК

СОТНИ ПОД ЗАНАВЕС

Любят в Воронеже моль. Любят и жалуют пищей. В нынешнем году одним лишь пошивочным мастерским хорового общества выплачено за пошивку костюмов для художественной самодеятельности профсоюзов тридцать три тысячи рублей!

Левобережный народный театр, например, к спектаклю «Люди и совы» пошил костюмов на 1 370 рублей да еще тысячу истратил на вицмундиры и кринолины для комедии Островского «На всякого мудреца довольно простоты». А сценическая жизнь этих пьес исчислялась... пятью спектаклями.

Занавес опущен. Костюмы сложены в сундуки. Теперь они служат постоянным кормом для моли.

А не лучше ли передать театральные костюмы прокатной базе художественной самодеятельности, которая пока еще влачит жалкое существование?

А. КУЛИК

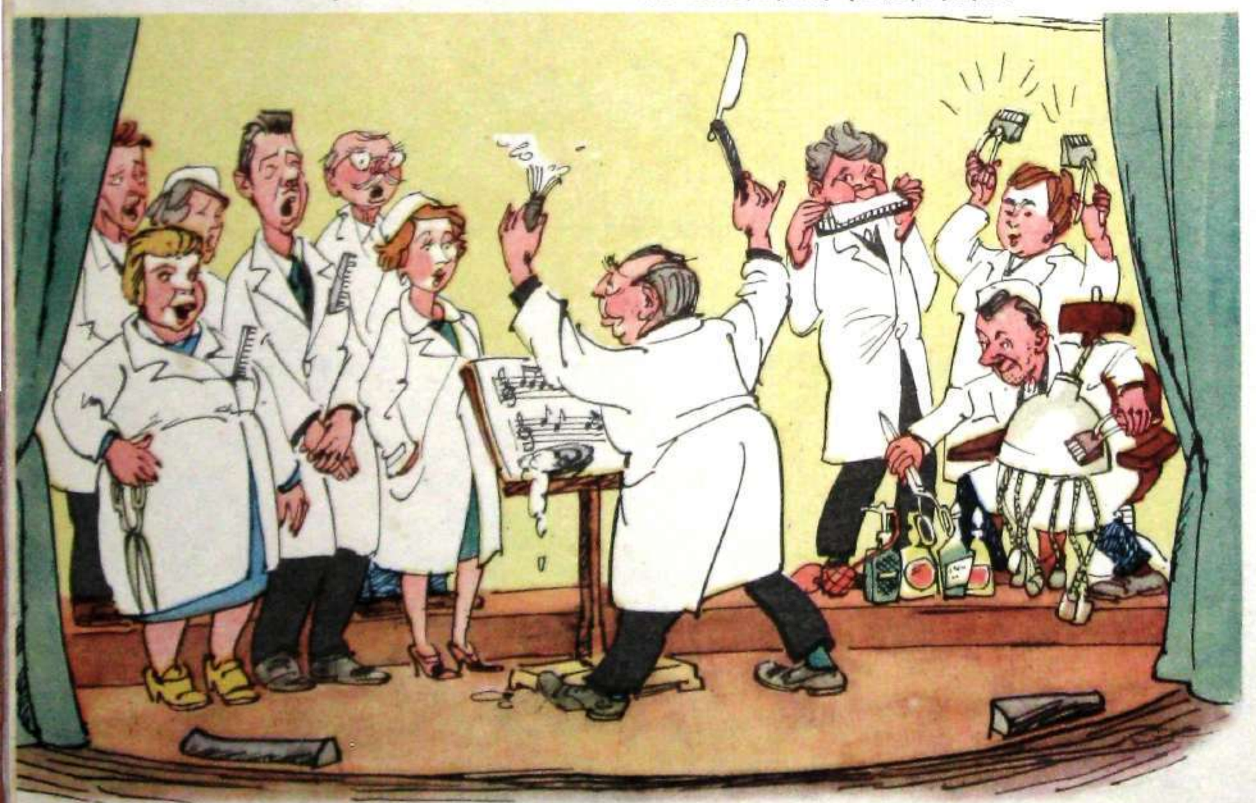


— А говорят, я против внедрения химии!

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

ИСКУССТВО СО СПЕЦИФИКОЙ

Многие ведомства создали профессиональные художественные ансамбли, на содержание которых затрачивают большие средства. Оправданием этому служат ссылки на «специфику репертуара».



— Бритвы, ланцеты, гребенки и щетки,
Куда бы ни шел, при себе я ношу...

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

ЗАМОРОЖЕННЫЕ ХОЛОДИЛЬНИКИ

В 1958 году на Свободненскую торговую базу Амурского облпотребсоюза начали поступать холодильные установки. За год пришло 20 установок на 25 тысяч рублей.

Что делать с этими холодильниками? Известное дело, сперва надо сложить в штабеля. Сложили.



А дальше что с ними делать, неизвестно. Так и стоят штабелями по сию пору.

И вы думаете, никто не знает об этом добре? Что вы! Ведь облпотребсоюз ежеквартально требует сведения о замороженном оборудовании. Но, видно, сведения сведениями, а бесхозяйственность — она сама по себе.

А то еще вдруг на эту базу прислали 60 тонн асфальта. Наверное, этим асфальтом думали что-нибудь заасфальтировать. А потом раздумали.

Долго, наверное, лежать тут асфальту...

И. МАСЛОВ
г. Свободный.

— Эй, уважаемые, нельзя ли спуститься на землю?

Рисунок Е. ГУРОВА





— Я заставлю преклоняться перед своим творением...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Владимир АЛЕКСЕЕВ

КТО ПОСЛЕДНИЙ?

Человеку дали власть —
маленькую властишку:
из ремонта выдавать
башмаки заказчику.
  Выдавать
  и принимать
обувь населения.
Иль подальше посылать —
в ателье в соседнее...
Может, скажете, не власть!
  Ерунда!
  Бессмыслица!..
  Не-е-т!
  Иному страсть,
  как всласть
за барьером выситься!..

Если этот гражданин
по своей натуре
прирожденный мещанин,
  глуп
  и некультурен,
тотчас выпятит живот
этакая цаца
и по-барски на народ
станет огрызаться:

«Не толпитесь, словно скот!
Выйдите наружу!
Ну, и что ж,
          что дождь идет!!
Мне работать нужно!»
  Хочет — взял,
  а хочет — нет.
Хочет — крик поднимет.
Хочет — десять пар штиблет
у знакомых примет.
  «Ну, и что ж,
          что не стоял!!
Ишь, нашлись
          герои!
Прекратите этот гвалт!
Ателье
     закрою!
Эй, папаша! У дверей!
Что у нас тут, ледник!
Дверь захлопните скорей!
Вы у нас последний!..»
Кочевряжится он всласть
этаким манером.
Благо — кой-какая власть!
Благо — за барьером!

Ну, а если бы
          того...
скажем, для примера
взять и вывести его
нам из-за барьера!
Пусть, величия лишен,
по-другому глянет.
Пусть у самой двери он
за последним встанет.
И, глядишь, в любой сезон—
  в стужу,
  в зной
  и в сырость —
будет в очереди он
сам
   за справедливость...

Как полезно было б нам
многих,
     кто зазнался,
потерял и стыд и срам,
  зачерствел,
зажрался,
кто не хочет нам служить
правдою и верой,
кто себя отгородить
поспешил барьером,—
  выводить,
  сбивая спесь,
  к нам
  без промедлений!
И еще посмотрим здесь,
кто из нас
        последний!

г. Ленинград.

ВЕРХ ПОЗОРА

В кабинете секретаря Корочанского райкома партии пахло яблоками. На запашок, принюхиваясь и крутя головой, зашел неизвестный в черном пальто с поднятым воротником. От порога громко поздоровался:

— Здравствуйте, уважаемый товарищ Рогов! Здравствуйте, дорогой Григорий Алексеевич!

После этого пришелец прикрыл дверь и заговорил шепотом. Так, чтобы никто, кроме дорогого и уважаемого товарища Рогова, ничего не услышал.

Никто ничего и не услышал.

А Григорий Алексеевич, проводив по окончании беседы гостя, вызвал своего помощника Панфилова.

— Как торгуем? — спросил его Григорий Алексеевич.

— Помаленьку,— без особого энтузиазма откликнулся Панфилов.— Около двух с половиной тонн продано.

— Вот и хорошо,— улыбнулся Григорий Алексеевич, наблюдая через окно, как обладатель черного пальто выезжает со двора на автомобиле, груженном яблоками.— Вот и замечательно. А я тут еще полторы тонны реализовал. Подсчитаем выручку!

Григорий Алексеевич вскрыл пухлый, как домашняя кулебяка, бумажник и захрустел купюрами.

Смысл этого коммерческого начинания поначалу оставался неразгаданным. Даже работники областной прокуратуры не уразумели, чего ради в райкоме стали приторговывать яблоками. Хотя уже с самого начала было ясно, что цена, по которой отгружали Григорию Алексеевичу с овощесушильного завода анис и антоновку, втрое ниже государственной.

Просветление наступило при следующих обстоятельствах.

Притомившись от хлопот по заготовке и сбыту аниса с антоновкой, Григорий Алексеевич решил отдохнуть. Упаковав чемоданы, он отбыл на юг в собственной автомашине. На север же из Корочи отправилась машина государственная. В ее кузове находилось полторы тонны все тех же богатых глюкозой и витаминами фруктов. Вскоре яблочки заприходовали в ресторане города Коврова, Владимирской области. По 72 копейки за килограмм. А Григорию Алексеевичу они обошлись по четырнадцати.

Остаток поступил в карман Григория Алексеевича.

В прокуратуре решили, что пора. Завели уголовное дело. Григорий Алексеевич отпирался до изнеможения. Не помогло. Дело следствием закончили, а бюро Белгородского обкома исключило Григория Алексеевича из партии. Наклевывалась дальняя дорога, казенный дом и конфискация имущества.

Тогда Григорий Алексеевич встревожился и приступил к спасительному раскаянию. Конечно, мол, я прохвост и спекулянт, но в душе — преданный



человек. А что касается уворованных денег — возмещу. Словом, учтите, мол, и не рубите покорную голову.

Учли. Рубить не стали. Больше того: восстановили и в партии и на работе. Правда, на работе восстановили в качестве уже ином, но по-прежнему руководящем. Назначили заместителем директора треста «Скотооткорм», а впридачу подкинули по совместительству должность главного зоотехника треста.

Только было работники прокуратуры собрались удивиться, как им сказали: не надо. Нечему, дескать, удивляться.

Впрочем, удивительного здесь действительно мало, поскольку в Белгородской области такие случаи не единичны.

Взять хотя бы директора Шебекинского авторемонтного завода С. Радюкова. Купил он за пятьсот рублей в колхозе имени Калинина автомашину «Победа», а она ему вдруг активно разонравилась. Мотор не тот, задний мост опять же... Закатили «Победу» в заводской цех, сменили и мотор и все прочее — опять не нравится! Оскорбленный в лучших чувствах, директор разнервничался и сгоряча продал машину за три тысячи.

Не поняли. Не оценили трагедию автолюбителя. Исключили из партии за использование служебного положения и спекуляцию. Пришлось идти в банк — деньги вносить, а в обком — каяться.

Покаялся. Ударил челом. Вняли. Тем более время коекакое прошло, страсти поулеглись. И на очередном заседании бюро было записано: учитывая, мол, чистосердечное признание вины и то, что обвиняемый добровольно возместил государству украденные деньги...

А как ее, собственно, не признаешь, вину, если в прокуратуре папка толщиной в подушку! Как не возместишь добровольно, когда все равно по суду взыщут!

Восстановили Радюкова в партии. Больше того: вознамерились было снять и партийное взыскание. Но тут, как на грех, Радюков некстати купил «Волгу». И, что обидно, не просто купил, а опять же при отягчающих обстоятельствах: через подставное лицо и с изготовлением фиктивной документации. Пришлось Радюкова снова исключать. И теперь — вот морока! — приходится снова каяться...

А бывший руководитель областного масштаба В. Подкатилов обходит всепрощающее здание стороной. Потому как из партии его пока еще не исключили. Ему пока порекомендовали читать лекции по политэкономии студентам-строителям. Перейти, так сказать, от практики народного хозяйства к теоретическим ее обоснованиям.

Практика у Подкатилова, прямо скажем, была лихая и разносторонняя. Короче говоря, такая, что одиннадцать томов уголовного дела далеко еще не вобрали всех ее нюансов и аспектов.

Начал Подкатилов с того, что во времена руководства Волоконовским райкомом приписал в отчетной графе сдачи мяса государству 420 центнеров. Чем, с одной стороны, привлек к себе всеобщее внимание, а с другой — получил повышение: сменил районный руководящий кабинет на кабинет областной.

Дальше — больше.

Узнал, к примеру, Подкатилов, что бывший его друг и собутыльник Фиронов умыкнул со склада РТС два комплекта запчастей для «Победы». Узнал — и тотчас же отреагировал. Обновил за счет краденых запчастей узлы личной автомашины.

Брал и по мелочам. Кур — десятками; яйца — сотнями; дрова, сено, уголь, комбикорма — машинами. До того запрактиковался, что восемнадцать человек под уголовную статью подвел.

В прокуратуре решили: хватит. Завели дело и на самого Подкатилова. В обкоме тоже решили: хватит. Порекомендовали ему перейти от практики к теории.

Учит теперь Подкатилов студентов уму-разуму, читает им лекции о неприкосновенности общественной и зловредности частной собственности, а сам по вечерам готовит тезисы спасительного раскаяния. Того самого, с помощью которого оголтелые жулики и спекулянты сохраняют и партбилеты и руководящие посты.

Сдается, что за всеми этими хлопотами по обелению номенклатурных мошенников работники Белгородского обкома кое-что подзабыли. Например, гневные слова Владимира Ильича Ленина, называвшего подобного рода защиту «своих» мерзавцев «верхом позора и безобразия».

Так вот, хочется им об этом напомнить.

Г. СОМОВ,
специальный корреспондент Крокодила
г. Белгород.



ОПЕРАЦИЯ «СЕРВАНТ—СТЕКЛО»

Что общего между оконным стеклом и моральным обликом?

— Конечно, ничего,— ответят, усмехаясь, неискушенные читатели. И, представьте, ошибутся.

Не верите? Тогда читайте телеграмму:

«Краснодар Горская 2 Химзавод

Правительственному постановлению производят отгрузку стекла только сельхозтехнике тчк Дирекция стеклозавода гарантирует нам отгрузку вагона стекла если вы телеграфно гарантируете немедленную отгрузку двух сервантов контейнером станция Дербент СКЖД стеклозаводу Дагогни расчетный 28 301 Дербентском отделении госбанка тчк Ждем ответа.

Дагогни стеклозавод замдиректора Маневич

Представитель химзавода Гельфонд».

Ясно?

Справедливости ради нужно сказать, что ответ не заставил себя ждать. Комбинация «рука руку моет» была осуществлена с вопиющей оперативностью. Работники многих колхозов и совхозов не успели и ахнуть, как они остались без долгожданного стекла, которое укатило в Краснодар в обмен на предназначенные кому-то персональные серванты.

Что касается рядовых и руководящих участников незаурядной операции «Сервант — стекло», они, надо полагать, считают себя чистыми, как стеклышко.

В. СИДОРЕНКО
г. Краснодар.

Шутки в сторону

Кукурузой можно откармливать свиней, коров, кур, индюков и прочую полезную живность.

Кукурузой можно откармливать также крыс, мышей, голубей, воробьев, галок и прочую бесполезную и даже вредную живность.

Не следует, но можно.

Перед вами доказательство: золотой холм первостатейной кукурузы, возвышающийся на пристанционном участке ст. Павшино, Московской железной дороги.

Тысячи заботливых рук, тысячи машин сеяли, растили, собирали кукурузу. Для чего? Для того, чтобы она гнила?

Сотни тонн золотых початков свалены под открытым небом где попало и как попало. Об этом сообщают читатели и из Клайпеды, Краматорска и других городов.

Сообщают с горечью и гневом. И мы к ним присоединяемся. И мы забываем о юморе, получая снимки, один из которых ты, дорогой читатель, видишь здесь.

Нет, юморист тут не требуется. Требуется прокурор.





— ДАЕШЬ ПЛАН!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ШЛЯПЫ И ВОРОНЫ

Успех любой коммерции зависит от того, насколько спрос превышает предложение. Неважно, чем вы торгуете,— пылесосами, произведениями искусства или, к примеру, скважинами.

Истина эта доказательства не требует. Однако если вы хоть немного сомневаетесь в ней, мы охотно дадим адрес, где вам докажут ее с карандашом и логарифмической линейкой в руках. Вот этот адрес: комплексная геологоразведочная экспедиция Управления геологии и охраны недр Совета Министров Эстонской ССР. Можете смело обратиться там к любому коммерсанту, и он все подробности вам растолкует. Вы сомневаетесь, что такая номенклатура значится в штатных ведомостях экспедиции? И тем не менее...

Давайте перенесемся с вами в правление колхоза «Выйт», Йыгеваского района, и понаблюдаем такую выразительную сценку.

Перед почтительно вытянувшимися членами правления колхоза развалился на стуле некий мужчина с нагловатыми глазами.

— Нуте-с,— весело возглашает он, ковыряя спичкой в зубах,— пора закругляться! Скважину мы вам пробурили? Пробурили. Водицей ваших буренок обеспечили? Вполне. Одним словом, гоните деньги!

— Это мы с удовольствием,— соглашается один из членов правления.— Скважина колхозу нужна была до зарезу. Спасибо вашей экспедиции. Позвольте счетец...

— Никаких счетов, любезнейший. Я, геолог Эльтерман, таким авторитетом у наших руководителей пользуюсь, что мне доверяют принимать деньги наличными, под расписку.

Правленцы нерешительно переглядываются. Эльтерман нежно успокаивает их:

— Вот моя расписка в получении 667 рублей 20 копеек. Благодарю вас. Теперь порядочек. Правда, купюры у вас какие-то мятые, одна даже чернилами испачкана. Ну да не стоит из-за таких пустяков омрачать нашу дружбу. Адью!

Из колхоза «Выйт», если угодно, можем перенестись еще в некоторые места, но стоит ли? Всюду картина одинаковая, меняются лишь названия колхозов и совхозов да фамилии лиц, кладущих государственные деньги в карман. В колхозе «Хельга Тээ», Валгаского района, их положил техник Мююр. В колхозе «Валчута», Эльваского района,— буровой мастер В. Золиков и коллектор Х. Лийвранд. В колхозе «Выйду Тээ», что в районе Кохтла-Ярве,— сменный мастер Ф. Прокошин с друзьями. В том же районе таким же манером расплатилась за скважину дирекция совхоза «Изаку».

И так далее и тому подобное. На многие тысячи рублей!

Вот вам и штатная ведомость! Как видим, коммерсантов, бойко торгующих скважинами, пробуренными по государственному плану и государственным оборудованием, в комплексной экспедиции хоть пруд пруди. Причем получали они не только деньгами, но и натурой. Правление колхоза «Выйт», Тартуского района, рассчиталось за пробуренную скважину... дровами! Буровой мастер В. Щербан получил и перепродал 15 кубометров хороших дров, отлично понимая, что в Эстонии дровишки — товар ходовой, в накладе он не останется.

В общем, коммерция в комплексной экспедиции шла полным ходом, поскольку нужда в водяных скважинах у колхозов республики большая. Мы поинтересовались: каким же образом процветала эта коммерция?

Частичный ответ на этот щекотливый вопрос можно получить, заглянув на материальную базу комплексной экспедиции. Батюшки светы! Здесь в картотеке царит такой хаос, что не только полсотни стальных труб — живого слона можно списать. И никто при этом даже не поинтересуется: а есть ли таковой в наличии и если есть, то по каким причинам подлежит списанию?

Начальник Управления геологии и охраны недр Г. Пильман, выслушав наши недоуменные вопросы, хмуро разъяснил:

— Шляпы мы, потому у нас деньги и улетают к мошенникам. Шляпы и вороны!

Ну что ж, сверху, как говорится, виднее. Спасибо за откровенность...

Н. БАЖЕНОВ,
С. СУСАН

г. Таллин.

НЕВЕЗУЧИЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Ох, и невезучий же человек Александр Васильевич Малинин — председатель колхоза имени Ленина, что в Каменском районе, Пензенской области! Можете вы себе представить: за что бы он ни взялся, все у него, как говорится, не слава богу. Ну прямо как нарочно. Судите сами.

Задумался, например, однажды Александр Васильевич над злосчастной судьбой колхозной скотинки. Почему, думает, у нас сотни коров и свиней преждевременно сложили свои неповинные головы? Не иначе, как в виде коллективного протеста против голодного пайка. Дай, думает, займусь-ка я назревшей проблемой кормов.

Сказано — сделано: засучили колхозники рукава и в селе Покрово-Арчаде да деревне Ахматовке посадили свеклу. Хорошо? Хорошо. Уродилась свекла. Хорошо? Чего уж лучше. Одним словом, все хорошо, за исключением мелочи: больше половины урожая осталось в земле.

И в чем, думаете, дело? Чистое невезение: Александру Васильевичу недосуг было навестить колхозные поля. А то бы он наверняка вспомнил про неубранную свеклу. Не досадно ли?!

Или, скажем, история с постройкой персонального председательского особняка в областном центре. Разве не обидно А. В. Малинину? Ну, имеется уже у него один собственный дом в деревне. Ну, оформил он себе незаконно участок под второй дом в городе. Ну, сооружал он свои пензенские хоромы с помощью колхозных плотников, материалов и транспорта. Так ведь это длилось совсем недолго. Не прошло и трех месяцев, как ударная стройка была завершена. Есть ли тут о чем говорить!

Так нет же! Надо было «Пензенской правде» описать на своих страницах строительные похождения Малинина. Правда, это выступление областной газеты не встретило сочувственного отклика у работников райкома. Александр Васильевич отделался легким испугом, а особняк и по сей день служит ему утехой. Но все же зачем зря человеку нервы трепать?

А возьмите нашумевшую кукурузную эпопею.

Как сперва все шло хорошо! С каким упоением подписывал Александр Васильевич бодрый рапорт о том, что «королева полей» не поскупилась и выдала ему по 39 центнеров сухого зерна с площади в 75 гектаров!

Но, как и следовало ожидать, вероломная фортуна и на этот раз отвернулась в последний момент от невезучего председателя. При ближайшем рассмотрении оказалось, что картину неслыханного преуспеяния портит одна маленькая деталь. Когда понадобились семена кукурузы, выяснилось, что выращенные А. В. Малининым 2 925 центнеров сухого зерна «чудесницы» отличаются поистине чудесным свойством: они целиком и полностью уместились в его отчете. Что касается колхозных закромов, то там кукурузы нет. И, между прочим, в помине не было. Вот какой, с позволения сказать, сюрприз! Ну, не дьявольское ли это невезение?!

Короче говоря, до того не везет злополучному председателю, что надумал он, сердечный, с тоски немного встряхнуться. Но вот задача — как?

Пойти и выпить — чересчур обыденно. Выпить, а потом хлопнуть кого-нибудь по шее — это уже приятнее. В прошлый раз, когда он испробовал этот вариант на заведующем отделением связи Аленкине, райком ему за это — что бы вы думали? — объявил простенький выговорок.

В общем, прикидывал Александр Васильевич и так и этак и решил, что нет ничего лучше хорошей автомобильной прогулки. И вот садится Малинин с компанией в колхозную «Волгу», машина и пассажиры заправляются солидной порцией горючего.

И что бы вы думали? Даже тут не повезло бедняге. Ведомая лихими путешественниками «Волга» не выдерживает их бурного темперамента и после ряда озорных поворотов в отчаянии сваливается в кювет. Пассажиры во главе с невезучим председателем остаются невредимыми, чего — увы! — отнюдь нельзя сказать о машине...

Так он и живет, этот невезучий колхозный руководитель. Живет и сетует на свою нелегкую судьбу.

Правда, в последнее время выяснилось, что Александру Васильевичу наконец, кажется, частично повезло. Дело в том, что колхозная скотина не дождалась наступления лучших времен. За полгода ушли, как говорится, в мир иной 111 овец, 281 свинья, 103 представителя крупного рогатого скота.

Это на первый взгляд прискорбное обстоятельство имеет и свою положительную сторону. Покойникам питания не требуется, что, несомненно, благоприятно сказывается на осточертевшей председателю проблеме кормов. Одним словом, на этот раз все как будто бы складывается без обычных неприятностей.

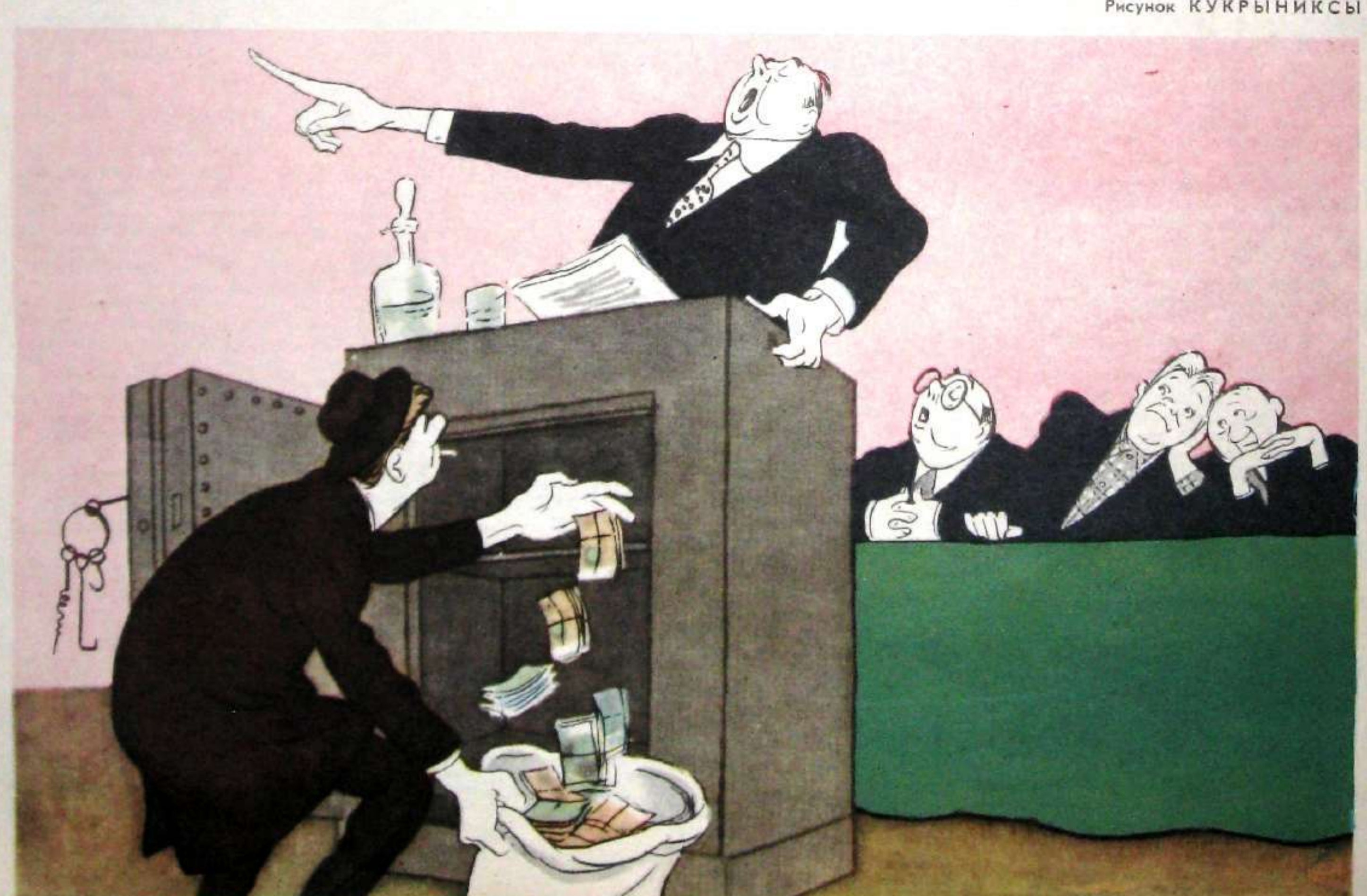
Впрочем, зарекаться еще рано. Мало ли что может случиться, если человеку не везет в жизни? А вдруг кто-нибудь обратит в конце концов внимание на незаурядную деятельность и моральный облик А. В. Малинина и захочет воздать ему по заслугам? Что тогда, а?..

Я. ДЫМСКОЙ,
А. СКОРНЯКОВ

г. Пенза.

— Я подчеркиваю: мы должны объявить беспощадную войну расхитителям!

Рисунок КУКРЫНИКСЫ



Яков КОСТЮКОВСКИЙ

ТРЕХРУКИЙ БОГ

Известно с первых дней творенья
И установлено навек:
Начальник сбыта и снабженья
Есть крайне нужный человек.

Вот перед вами Петр Иваныч.
Он вам достанет мед и лед,
И в «Гранд-отеле» номер на ночь,
И персональный самолет,
Билет на лунную ракету,
Невесту, мебель и жилье,
И даже (оцените это!)
Зимою теплое белье.

Таков без преувеличенья
Начальник сбыта и снабженья.

Ему уже под сорок пять,
Но, несмотря на годы эти,
Он любит часто повторять:
«Меня зовите просто Петей»,—
Поскольку молод он душой,
Мой примечательный герой.

Его звезда сейчас в зените,
Он так могуч и так силен,
Что вашу дочку, коль хотите,
В хор мальчиков устроит он.
Он хват, волшебник, маг... Короче,
Его к себе взять Кио хочет.
Трехрукий бог — так остряки
Недаром говорят о Пете:
У Пети, ясно, две руки,
Но есть и третья — в горсовете.
Он может брать, давать, снабжать,
Пройти, проникнуть, поддержать,
Толкать, пристроить, ублажать,
А также (вы-, до-, за-, на-) жать,
Глаголы можно умножать,
Но мне не стоит продолжать,
Чтоб не надумал кто-нибудь
Глагольной рифмой упрекнуть.

К тому же он король обмена,
Ему и море по колено.
Меняет выгодно везде
Он толь на мел, кирпич на камень,
Стихи на прозу, лед на пламень,
На шила швайки и т. д.
Меняет кожу на рогожу,
Меняет редьку он на хрен
И говорит: «Всего дороже
Нас возвышающий обмен».

Понятно, как он богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
Здесь ясно все, как пятью пять:
Продукт он может обменять.

Но дни идут. И Петя очень
Одною мыслью озабочен.
Друзьям признался мой герой:
«Вот коммунизм не за горой,
И буду я бесповоротно
При коммунизме безработным.
Я, ныне нужный человек,
Там не понадоблюсь вовек.
Всем все дадут. И каждый смело
Тогда мне сможет заявить,
Что мавр, мол, сделал свое дело,
Что мавр-де может уходить.
Когда всем лучше, мне лишь хуже,
И я скажу вам без прикрас:
Мне коммунизм совсем не нужен,
Мне жить неплохо и сейчас».

* * *

Я с ним согласен. Это случай,
Где положенье таково:
Ему без коммунизма лучше,
А коммунизму — без него.



— Что это наш начальник сегодня такой веселый?
— А ему за развал работы объявили строгий выговор с повышением в должности.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

Мимоходом

На вопрос об отношении к труду он размашисто написал в анкете: «Сын трудящегося».

— Внедрим культуру! — призывал культработник. При этом он воскликнул: «Меньше слов — поболее делов!»

Себя считал незаменимым работником, а свою жену — незаменимой домработницей.

— Папа, говорят, что Иванова разбирали на собрании. А где его будут собирать?

Л. МИТНИЦКИЙ

Бывает, что вкусы сходятся. Однажды редколлегия одного журнала единодушно одобрила повесть главного редактора.

Премьеров в театре было много, премьер — мало.

А. ЧИКАРЬКОВ

Сатирик из двух зол выбирает большее.

Крапива проявляла жгучий интерес ко всему, что ее касалось.

Ю. НИКОЛЬСКИЙ

г. Рига.



Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ, Вл. МАСС,
М. СЛОБОДСКОЙ и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

Гурий Львович Синичкин

Водевиль в пяти картинах

Старый актер Гурий Львович Синичкин добивается для своей дочери Лизы дебюта в театре. Немолодая ведущая актриса Сурмилова не намерена уступить роль молодой дебютантке. Синичкин решает проучить Сурмилову. Он адресует на ее имя письмо, в котором Лизу приглашали сниматься в кинофильме, рассчитывая, что, соблазнившись приглашением, Сурмилова уедет в столицу и роль достанется Лизе. Синичкин и Лиза отправляются в театр, где и происходит вторая картина водевиля.

В ней действуют: Синичкин, Лиза, Сурмилова, режиссер Пустославцев, автор пьесы Борзинов, помощник режиссера Налимов, актер Напойкин и другие.

-

КАРТИНА ВТОРАЯ

Театральная сцена в беспорядке. Налимов приготовляет ее для репетиции. Ставит на режиссерский столик стакан с цветком гвоздики. На заднем плане несколько актеров играют в шашки. Входит Пустославцев.

ПУСТОСЛАВЦЕВ. Покойники все на месте?

НАЛИМОВ. Половинкина нету.

ПУСТОСЛАВЦЕВ. Ты, Напойкин, будешь покойником. Прогоняем «Третий лишний»!

НАЛИМОВ. Товарищи, по местам! Начинаем репетицию!

Актеры занимают свои места.

ПУСТОСЛАВЦЕВ. Вот что, товарищи. Вчерашняя репетиция меня никак не устраивает. Разве наши покойники так ходят, так разговаривают, так держат себя?.. Такие покойники допустимы в пьесах Когоута, Шиллера, Константина Симонова — у них действие происходит на Западе... В нашей пьесе — «Третий лишний» — мы раскрываем острейшую морально-этическую проблему на материале наших покойников. Что отличает нашего покойника от западного? Наш покойник активно вторгается в жизнь. Он умирает, но не успокаивается на достигнутом... Начнем, товарищи.

Актеры начинают репетировать.

ОНА. Без четырех минут двенадцать. Посиди, я сварю тебе кофе... (Уходит.)

ОН. О, проклятие! Что делать? Что делать?.. Я хочу на ней жениться. Я люблю ее... Она любит меня... Но могу ли я быть в ней уверен? Нет, нет!.. Она никого до меня не любила. Никого...

ПЕРВЫЙ ПОКОЙНИК (внезапно появляясь). Она любила меня. (Удар гонга.)

ОН. Кто вы такой?

ПЕРВЫЙ ПОКОЙНИК. Я ее муж.

ОН. Муж?

ПЕРВЫЙ ПОКОЙНИК. Покойный. Я умер пять лет назад.

ОН. Скажите, ради бога, скажите, она вам не изменяла?

ПЕРВЫЙ ПОКОЙНИК. Этот вопрос мучил меня до самой смерти. При жизни я был болезненно ревнив... И вот однажды... Зазвонил телефон. Она хотела подойти, но я отстранил ее и бросился к трубке...

ОН. Это был любовник?

ПЕРВЫЙ ПОКОЙНИК. Не знаю. Я умер, не успев снять трубку. Инсульт.

ОН. Кто же ей звонил? Кто ей звонил?

ВТОРОЙ ПОКОЙНИК (внезапно появляясь). Я звонил! (Удар гонга.)

ОН. Вы с ней жили?

ВТОРОЙ ПОКОЙНИК. Да.

ПЕРВЫЙ ПОКОЙНИК. Вы были любовником моей жены?

ВТОРОЙ ПОКОЙНИК. Нет, я был ее мужем. После вас. Я умер три года назад. В тот день, еще будучи холостым, я ошибся номером и случайно попал к вам. Мужской голос спросил меня: «Кого вам?..»

ОН (первому). Это были вы?

ПЕРВЫЙ ПОКОЙНИК. Позвольте, я отлично помню, что я умер, не доходя до телефона...

ОН. Кто же подходил к телефону?..

ТРЕТИЙ ПОКОЙНИК (неожиданно появляясь). Я. (Удар гонга.)

ПЕРВЫЙ ПОКОЙНИК. Вы?.. Где же вы были?

ТРЕТИЙ ПОКОЙНИК. В ванной.

ПЕРВЫЙ ПОКОЙНИК. Вы были ее любовником?

ТРЕТИЙ ПОКОЙНИК. Упаси бог! Я пришел за две минуты до вашей смерти и сейчас же ушел...

ПЕРВЫЙ ПОКОЙНИК. Куда?

ТРЕТИЙ ПОКОЙНИК. В домоуправление. Я водопроводчик.

ОН (с облегчением). Ах, вот как!..

ВТОРОЙ ПОКОЙНИК (первому покойнику). В тот день я позвонил к вам случайно, но вскоре мы с ней встретились и поженились.

ОН. Вам она изменяла?

ВТОРОЙ ПОКОЙНИК. Никогда! Она всегда была мне верна, и перед смертью я подарил ей самое дорогое, что у меня было,— золотые часы моей матери.

ТРЕТИЙ ПОКОЙНИК (показывая часы). Вот эти?

ВТОРОЙ ПОКОЙНИК. Вы их украли?

ТРЕТИЙ ПОКОЙНИК. Что вы! Это подарок моей жены.

ОН. Вашей?

ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ПОКОЙНИКИ. Нашей?

ТРЕТИЙ ПОКОЙНИК. Моей. (Второму.) После вашей смерти я на ней женился и через год умер.

ОН. Боже мой, это не женщина, а братская могила... (Третьему.) А вам она изменяла?

ТРЕТИЙ ПОКОЙНИК. А как же!

ВСЕ. Изменяла?

ТРЕТИЙ ПОКОЙНИК. А почему же я умер? Понимаете, я возвращался домой и увидел в окне, как мою жену, полураздетую, обнимает какой-то мужчина. Я бросился к дому — и прямо под самосвал!

ОН. Но ведь я ее не обнимал!..

ВСЕ. Это были вы?

ОН. Да. Я врач из поликлиники. Я ее не обнимал, а выслушивал!

ТРЕТИЙ ПОКОЙНИК. Так какого же черта я попал под машину?

ВТОРОЙ ПОКОЙНИК. Значит, она никому из нас не изменяла?

ПЕРВЫЙ ПОКОЙНИК. Выходит, никому. Она жила с каждым последующим после смерти предыдущего...

ОН. Значит, я могу на ней жениться?

ВСЕ ТРИ ПОКОЙНИКА. А как же!.. (Исчезают.)

Входит Она.

ОНА. Ну, вот и кофе готов...

ОН. Милая... Который час?

ОНА. Ровно двенадцать. (Бьют часы.)

Он и Она перестают играть и подходят к режиссерскому столику.

ПУСТОСЛАВЦЕВ. В общем, рисунок верный... Покойники уже живут, но еще не общаются... Давайте еще раз уход покойников.

НАЛИМОВ. Нельзя: покойники уже ушли...

ПУСТОСЛАВЦЕВ. Почему ушли?

НАЛИМОВ. У них выездная «Медея» в клубе деревообделочников.

ПУСТОСЛАВЦЕВ. Да, да, конечно... Начнем «Вечернюю стерню».

НАЛИМОВ. Сурмиловой нет.

ПУСТОСЛАВЦЕВ. Как нет? Последняя репетиция!.. Вечером спектакль по телевидению!..

Входят Синичкин с Лизой.

СИНИЧКИН (Лизе). Слышишь, Лизонька, слышишь? Сурмилова не явилась на репетицию!

ЛИЗА. Значит, она получила письмо?

ПУСТОСЛАВЦЕВ. Немедленно напишите приказ: Сурмилову уволить! Или моей ноги больше не будет в этом театре!.. Все!.. Кончено!.. (Уходит.)

НАЛИМОВ (актерам, спокойно). Товарищи, никуда не расходитесь: сейчас начнем «Стерню».

СИНИЧКИН. Налимов! Убей меня бог, Налимов!

НАЛИМОВ. Неужели это Синичкин?

СИНИЧКИН. Налимов, ну до чего я рад!.. (Обнимает и трижды целует Налимова.)

НАЛИМОВ. Прости, Гурий, у нас тут такие дела...

СИНИЧКИН. Слыхал, слыхал. Заболела Сурмилова. Дай ей бог здоровья! Ну, вот что, выручу я тебя. По старой дружбе... Дочь моя, Лизонька, сыграет вместо Сурмиловой.

НАЛИМОВ. Сыграть вместо Сурмиловой?! Это же Сурмилова!

СИНИЧКИН. Подумаешь, Комиссаржевская!

НАЛИМОВ. Хуже! Ты ее только тронь — она тут же проявит какую-нибудь инициативу, возглавит какое-нибудь движение, вызовет тебя на соревнование, и ты, как миленький, добровольно поедешь руководить колхозной самодеятельностью на общественных началах. Нет, с Сурмиловой я связываться не буду!

ЛИЗА (Синичкину). Что же делать? Неужели все пропало?

СИНИЧКИН. А письмо? Они еще тебя сами будут просить... Сурмилова на репетицию не приедет!

НАПОЙКИН (вбегая). Сурмилова приехала!

Входит Пустославцев.

ПУСТОСЛАВЦЕВ. Начинаем, товарищи! Все на месте?

НАЛИМОВ. В основном почти все.

ПУСТОСЛАВЦЕВ. Как с оркестром?



ДИРИЖЕР. С лабухами лажаво!
НАЛИМОВ. Он говорит: с оркестром плохо.
ПУСТОСЛАВЦЕВ. В чем дело?
ДИРИЖЕР. Вчера лабали жмурика, заимели башли, похиляли к чувихам и накирялись!
ПУСТОСЛАВЦЕВ (Налимову). Переведите!
НАЛИМОВ. Лабали жмурика — играли на похоронах, заимели башли — получили деньги, похиляли к чувихам — пошли к девушкам — и накирялись.
ПУСТОСЛАВЦЕВ. Накирялись? Опять накирялись? Переведите ему — где первая скрипка?
ДИРИЖЕР. Прихиляет через десять минут — лабает на мотор.
ПУСТОСЛАВЦЕВ. А тромбон?
ДИРИЖЕР. Будет через полчаса.
ПУСТОСЛАВЦЕВ. А ударник? Где ударник? Когда придет ударник?
ДИРИЖЕР. Через пятнадцать суток.
ПУСТОСЛАВЦЕВ. Через пятнадцать суток?
ДИРИЖЕР. Тут лажа... Вчера ударник вспрыскивал присвоение звания ударника соцсоревнования, накирялся и заработал пятнадцать суток.
ПУСТОСЛАВЦЕВ. Все погибло!.. Как мы будем лабать без ударника?.. У меня все построено на ударных инструментах! Нет, я хиляю отсюда!.. Ноги моей не будет в этом театре!
СИНИЧКИН. Лизонька... Моя фортуна! (Пустославцеву.) Петр Петрович, я сыграю на ударных...
ПУСТОСЛАВЦЕВ. Голубчик!.. Хиляйте в яму!.. На пятнадцать суток!
СИНИЧКИН. Спасибо, Петр Петрович... Лизонька, за мной!

Входит Сурмилова.

СУРМИЛОВА. Здравствуйте, товарищи. В чем дело?
НАПОЙКИН. Вам письмо...
СУРМИЛОВА. Письмо?
СИНИЧКИН. Письмо!.. Ну, теперь держись, Лизонька!..
СУРМИЛОВА (*берет письмо*). Что это за письмо?
ПУСТОСЛАВЦЕВ. Никаких писем, Раиса Минишна... Потом прочитаете... Давайте репетировать. (*Показывает на вошедшего Борзикова.*) Вот, кстати, и автор. Начинаем «Вечернюю стерню». Я, товарищи, счастлив, что нашу репетицию почтил своим присутствием наш дорогой автор, Федор Семенович Борзиков. (*Все аплодируют.*) Мы с огромным волнением работаем над этим подлинно новаторским произведением. В чем главные признаки действительно современной колхозной пьесы? Во-первых, это высокая интеллектуальность молодых героев, а во-вторых, соленый, ядреный, я бы даже сказал, кондовый, юмор классического колхозного деда. Обе эти струи с блеском разработаны Федор Семенычем! Интеллигентность его героини поражает, а по юмору Федор Семеныч идет на две головы впереди нашей драматургии: у него не дед, а два деда. И юмор у них нутряной, земляной, я бы даже сказал, навозный... И это пленяет!

Сурмилова вскрывает конверт.

ЛИЗА. Папа, смотри, она читает письмо!
ПУСТОСЛАВЦЕВ. Раиса Минишна, отложите письмо. Потом прочитаете... Начали!.. Напоминаю обстановку. Передовая, образцово-показательная животноводческая ферма. Разгар рабочего дня. Все заняты насущными проблемами. Ясно? Начали!

Все ложатся. Вступает музыка.

ТАНЯ — СУРМИЛОВА. Я вас, Родион Ерофеевич, при всем народе спрашиваю: будем мы строить хату-консерваторию или не будем?
ГОЛОСА. Отвечай, Родион!
РОДИОН. Жили мы без консерватории не хуже других!
ТИМОФЕЙ. А мы хотим лучше других жить!
РОДИОН. А вы, Тимофей Тимофеевич, бывший председатель нашего колхоза, снятый решением бюро районного комитета партии за недооценку прогрессивных методов развития животноводства, не путайте нас! Хватит, запутали!..
ТИМОФЕЙ. Негоже ты говоришь, Родион, негоже!
ДЕД БРЮКВА. Вы меня послухайте... Сплю я как-то ночью, сны смотрю. Вдруг чувствую, дождь пошел. Просыпаюсь, а это кобель на меня по нужде остановился...
ДЕД КЛЮКВА. А я видел, будто у меня на печи козел опоросился. И хрюкает. Просыпаюсь — а это моя старуха храпит.



РОДИОН. У вас, деды, все?
ДЕДЫ. Все.
МУХА. Чтой-то вы все ругаетесь? Еще индийский поэт Рабиндранат Тагор сказал: истина — это искра, высекаемая из камня раздумий...
ТИМОФЕЙ. Правильно сказал Рабиндранат Тагор! Хату-консерваторию строить нужно!
МУХА. А я вот песню новую сочинил...
ГОЛОСА. Спой, Муха!
Спой — мы подтянем!
МУХА (*играет на гармони, поет*):

Самовары, самовары
Кипяточек нам дают.
Семинары, семинары
Нас до ручки доведут.
Туторки-матуторки,
Палочки-мешалочки,
Елочки-иголочки
Веселый разговор.
Кто газеты не читает,
Начинает отставать.
Он еще искореняет,
Что уже пора внедрять.
Туторки-матуторки, и т. д.

ДЕД БРЮКВА. Это все не та музыка. Вы меня послухайте... Приснился мне сон, будто я с груши упал и портками за антенну зацепился. Вишу, а меня на весь район по телевизору видно.
ДЕД КЛЮКВА. А у меня на печи козел опоросился!..
РОДИОН. У вас, деды, все?
ДЕДЫ. Все.
РОДИОН. Так вот, я председатель, я и решаю: хату-обсерваторию строить будем!
МУХА. Ну, я пошел!
РОДИОН. Куда?
МУХА. В Москву. В консерваторию поступать!
ТАНЯ. Видишь, Родион Ерофеевич, лучших людей теряем...
ПУСТОСЛАВЦЕВ. Стоп!.. Хватит!.. (*Борзикову.*) Федор Семенович, у вас нет возражений?
БОРЗИКОВ. По-моему, жизненно!.. А?

Сурмилова берет письмо.

СИНИЧКИН (*из ямы*). Лизонька... Читает... Смотри, что сейчас будет!
ПУСТОСЛАВЦЕВ. Раиса Минишна, на выход!.. Репетируем любовную сцену! Начали...
ТАТЬЯНА. Ночь-то какая!.. Хороший ты, Родион... Приласкала бы я тебя, к груди своей горячей прижала бы, целовала бы так, чтобы небо обрушилось... Но не люблю я тебя... Я мужа своего люблю... Уж такая у меня судьба окаянная!.. Да и ты меня не любишь...
РОДИОН. Нет, Таня... Не люблю я тебя... Танюша... Имя у тебя ласковое, будто утро раннее, когда роса на полыни слезой блестит... Уж как бы я тебя любил, если бы я любил тебя! Милая, ненаглядная... говорил бы я тебе. Но я жену свою, Зореньку свою, люблю... И она меня любит. Хорошо нам с ней вдвоем!
ТАТЬЯНА. И мне хорошо с любовью моей. Только тяжело мне. Ты любишь другую, я люблю другого, и не любим мы с тобой друг друга, совсем не любим!.. Почему это так в жизни устроено, Родион?
РОДИОН. Не знаю... И никто не знает...
ПУСТОСЛАВЦЕВ. Стоп!.. Ну как, Федор Семенович?
БОРЗИКОВ. Эта сцена у вас получилась.
ПУСТОСЛАВЦЕВ. Это все говорят. А я недоволен. Конфликт у вас современный, острый. Его надо решать по-новому, смело. Где лаконизм? Где голос раздумий? Где тревога, сжигающая сердца?
БОРЗИКОВ. Тревога — это хорошо. У меня в первом варианте в этом месте пожар был...
ПУСТОСЛАВЦЕВ. Я не об этом говорю. Дерзать так дерзать... У меня есть совершенно другое решение этой сцены. (*Актерам.*) Давайте начнем!

Выходят несколько мужчин в смокингах, с бантиками. Среди них оба деда, тоже в смокингах. Становятся по обе стороны сцены.

ПЕРВАЯ ГРУППА ХОРА. О, как бы она приласкала его!
ВТОРАЯ ГРУППА ХОРА. К горячей своей груди прижала бы!
ПЕРВАЯ ГРУППА ХОРА. Целовала бы как!
ВТОРАЯ ГРУППА ХОРА. Но она не любит его...
ПЕРВАЯ ГРУППА ХОРА. И он ее не любит.
ВТОРАЯ ГРУППА ХОРА. Он любит свою жену.
ПЕРВАЯ ГРУППА ХОРА. Как бы они любили друг друга!
ВТОРАЯ ГРУППА ХОРА. Если бы они друг друга любили!
ТАТЬЯНА. Ты веришь в меня?
РОДИОН. Не знаю!
ПЕРВАЯ ГРУППА ХОРА. И никто не знает!
ТАТЬЯНА. Никто не знает.
ПЕРВАЯ ГРУППА ХОРА. Пройдут годы... Он утонет.
ВТОРАЯ ГРУППА ХОРА. И она тоже...
ПЕРВАЯ ГРУППА ХОРА. Они умрут, так и не полюбив друг друга. (*Барабан и литавры.*)
ПУСТОСЛАВЦЕВ. Стоп!.. Хватит!.. Ну, как, Федор Семенович, так лучше?
БОРЗИКОВ. По-моему...
ПУСТОСЛАВЦЕВ. Очень рад, что вам понравилось... Пошли дальше! Последняя сцена!
ЛИЗА (*из ямы*). Ну вот, все пропало!
СИНИЧКИН. Успокойся, дочь моя... Я тебя в обиду не дам.
ПУСТОСЛАВЦЕВ. Прогоним сцену «На околице». Школа передового опыта... Цветет акация. Приезжает депутация... Ясно? Пошли!
ХОР. Туторки-матуторки,
Палочки-мешалочки...
ПУСТОСЛАВЦЕВ. Стоп!.. Никуда не годится!.. Сухо!.. (*Борзикову.*) Федор Семенович, надо что-то...
БОРЗИКОВ. Что надо?

ПУСТОСЛАВЦЕВ. Надо... Надо... Идея!.. Надо показать, как не надо!

БОРЗИКОВ. Как не надо что?

ПУСТОСЛАВЦЕВ. Веселиться. Надо показать, как наши колхозники борются с чуждыми им влияниями Запада. Вы не возражаете?

БОРЗИКОВ. Н-нет...

ПУСТОСЛАВЦЕВ. Отлично. (Актерам.) Давайте рок-н-ролл!..

БОРЗИКОВ (вздрогнув). Что? Петр Петрович, а может, не надо, как не надо?

ПУСТОСЛАВЦЕВ. Не надо? А публику вам надо? А сборы вам надо? А успех вам надо? (Актерам.) Давайте, как не надо!

ХОР (запевает). Туторки-матуторки,
Палочки-мешалочки...

БРЮКВА. Слухайте меня!.. Я опять, двадцать пять, сон смотрел! Снилось мне, будто приехал я со своей старухой в Париж, туды его растуды!.. Гуляем мы с ней по пляс де-ля Конкорд и заходим в Фоли-Бержер. А там, мать честная, какая безобразия! Машка Волосок, Петька Перебейухо, а ну, покажите, какую безобразию я со старухой во сне в Париже видел!

Танец.

ГОЛОСА. Муха приехал!

— Ура! Муха вернулся!

Входит Муха со скрипичным футляром в руках.

МУХА. Здравствуйте, дорогие товарищи земляки.

РОДИОН. Ну, рассказывай! Целый год не видались!

МУХА. Ну, что рассказывать? Кончил я, значит, консерваторию, оторвал на международном конкурсе золотую медаль... но меня, конечно, на родные места потянуло... Скажите мне, дорогие земляки...

ТАТЬЯНА. Спрашивай, Муха! Мы все скажем!

МУХА. Будет у нас консерватория или не будет?

РОДИОН. Обсерватория будет!

МУХА. Ну, я тогда пошел!

РОДИОН. Куда?

МУХА. В Москву. В аспирантуру поступать!

ТАТЬЯНА. Лучших людей теряем!

Хоровод.

ЛИЗА (следя за Сурмиловой). Читает, читает письмо!

СИНИЧКИН. Ну, теперь она себя покажет!

ПУСТОСЛАВЦЕВ. Повторяем последнюю сцену!

СУРМИЛОВА (прочитав письмо.) Меня приглашают в кино! На главную роль... Сегодня ехать... Что делать? Ах!.. (Опускается на стул.)

НАЛИМОВ. Что с вами?

СУРМИЛОВА. Валидол... У кого есть валидол?

ВСЕ. Вот валидол!

— Кому валидол?

— Пожалуйста, валидол...

ПУСТОСЛАВЦЕВ. Раиса Минишна, возьмите себя в руки, и довольно капризничать!

СУРМИЛОВА (вскакивает в бешенстве). Что?.. Как вы смеете?! Я умираю, а по-вашему, я капризничаю?.. Это вы, это вы меня до этого довели!.. (Шатаясь, уходит со сцены.)

БОРЗИКОВ. Все пропало! Премьера рухнула!.. Валидол!

Шатаясь, уходит со сцены.

СИНИЧКИН (выходя с Лизой на сцену). Петр Петрович, выслушайте меня! На колени готов перед вами упасть, только выслушайте! Дочь моя, Лизонька,— вот она! Она всю роль наизусть знает... Она сыграет вместо Сурмиловой!..

ЛИЗА. Доверьтесь мне, Петр Петрович, я сыграю эту роль! Я не подведу вас...

ПУСТОСЛАВЦЕВ. Хорошо! Я согласен!..

СИНИЧКИН. Ну, Лизонька, свершилось!..

ЛИЗА. Я так счастлива!

ПУСТОСЛАВЦЕВ. Нет!.. Это невозможно! Борзиков ни за что не согласится!

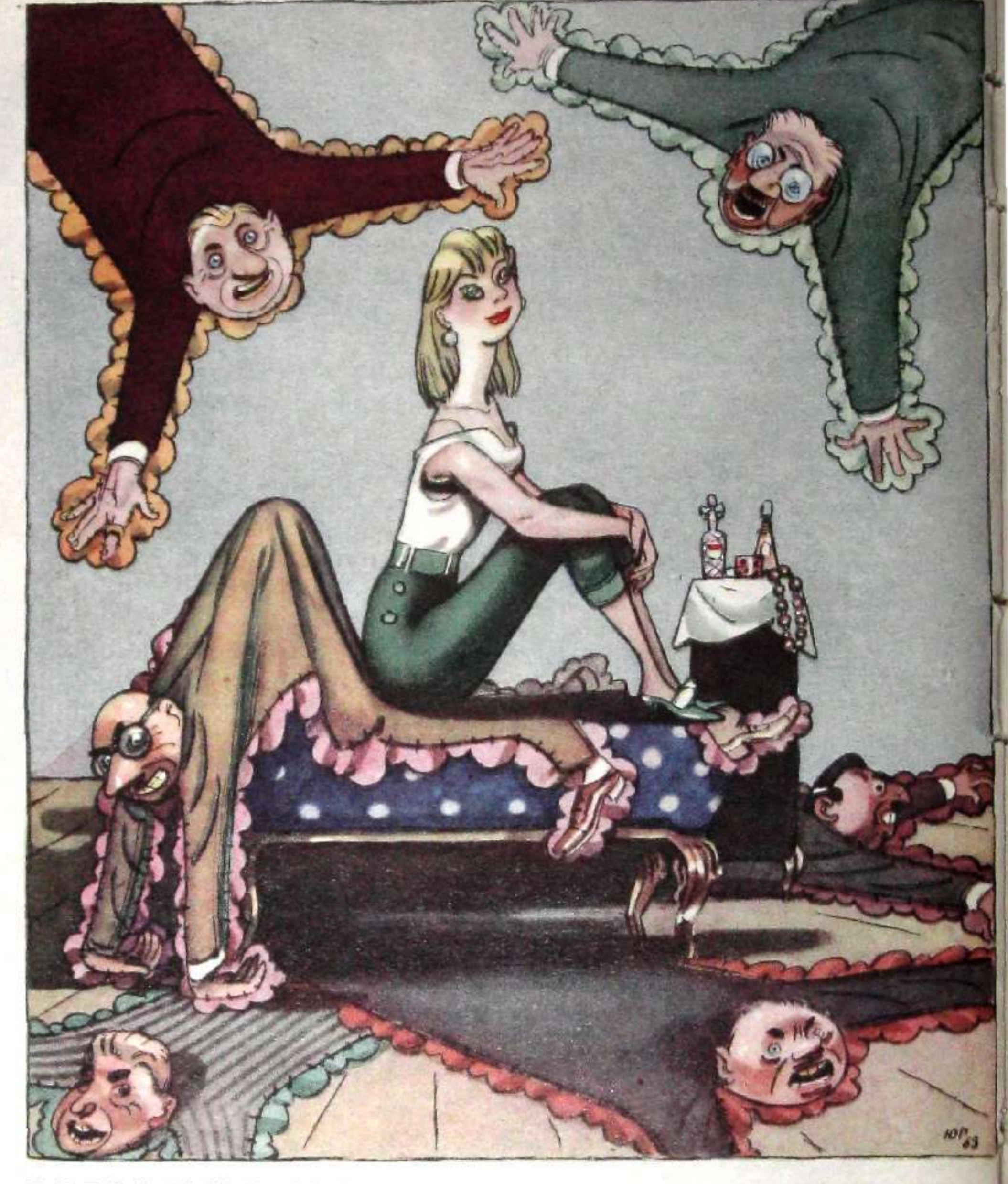
СИНИЧКИН. Согласится! Обязательно согласится! Мы с Лизонькой поедем к нему! Мы его уговорим! Где его искать?

ПУСТОСЛАВЦЕВ. В Союзе писателей! В областном отделении.

СИНИЧКИН. Лиза! К нему!.. (Убегают.)

Конец второй картины.

(Продолжение следует.)



ЭЛЛОЧКИНЫ ТРОФЕИ

Рисунок Ю. ГАНФА

Андрей ВНУКОВ, Николай КНЯЗЕВ

РАЗРЕШИТЕ ПОМЕШАТЬ

Нельзя человеку мешать на работе,
Он должен большие задачи решать.
А нам
(Как вы ниже об этом прочтете),
К несчастью, приходится многим мешать.

Мы были на днях в бытовом комбинате,
Где нам оказали известный прием.
Суровый приемщик в рабочем халате
Отрезал:
— Приходят со всяким старьем!
Мешают работать! И как им не стыдно!
Житья никакого не стало от них!

От них — это значит от нас, очевидно.
От нас — это значит от многих других.

Бифштекс заказали в столовой мы как-то,
Его разрубить бы не смог и топор.
Конечно, у нас из-за этого факта
С шеф-поваром тут же возник разговор.
Мы скромно сказали о качестве пищи,
Но повар в ответ заорал, как чумной:
— Пришли — так обедайте молча! Вас тыщи!
Мешаете делу своей болтовней!

Мешать приходилось различнейшим лицам:
Кассирам, шоферам такси, продавщицам...
Мы знали отлично, что стыдно мешать,
Но делали это опять и опять.

И только однажды в огромной приемной,
Куда обратились мы с просьбою скромной,
Начальник, который был в курсе вопроса,
На нас не взглянул по-чиновничьи косо
И нам не сказал деловито и строго,
Что плотно загружен его календарь,
Что мы помешали, что нас очень много...

Все это проделал его секретарь!

Иной нас помехой в работе считает,
Но нам интересно узнать у него:
Что станет он делать без тех, кто мешает —
Мешает не делать ему ничего?!

М. АЛЬБРЕХТ (ФРГ)

СОЧИНЕНИЕ ОСТАЛОСЬ НЕЗАКОНЧЕННЫМ

Герр Тонес стоял у стойки дюссельдорфской пивной «Якорь» и сочинял. Он был одним из тех заядлых любителей карнавалов, которые, хватив хмельного, каждый год выступают на празднике с новыми песнями и новыми затеями. Он уже успел сочинить такой припев для карнавальной песни:

Сегодня мы веселы будем,
Потому что мы веселые люди...

И герр Тонес уже представлял себе, как эти веселые люди танцуют здесь в зале и под конец награждают его аплодисментами. Но вдруг из задней комнаты «Якоря» донеслись звуки песни «Дрожат трухлявые кости...»[1]. Герр Тонес бросил вопрошающий взгляд в сторону хозяина пивной.

— Чего же вы хотите? — сказал тот.— Мы живем ведь в демократической стране!

— Конечно, это так...— поддакнул герр Тонес.— «Свобода личности неприкосновенна...».

— И свобода слова тоже...— добавил хозяин.

То были последние откровения, которые суждено было собеседникам произнести на протяжении последующих двадцати минут. В задней комнате вспыхнуло побоище, которое из-за тесноты помещения не могло обрести надлежащего размаха. И поэтому дравшиеся единогласно сошлись на том, что для решения разделявших их спорных вопросов следует использовать также пивной зал. Таким-то образом герр Тонес совершенно неожиданно для себя познакомился с особым видом демократического общения: он получил пивной кружкой по голове, и, поскольку этого доказательства для него было явно недостаточно, за кружкой последовала бутылка, на сей раз из-под вина, удар каковой пришелся ему уже по затылку. Благодаря своей гражданской малосознательности герр Тонес тут же у стойки свалился на пол, после чего хозяин позвонил в ближайший полицейский участок. Герр Тонес успел спеть свой рефрен: «Да, сегодня мы веселы будем»,— а затем его дух временно унесся в неведомые дали...

— Это он! — сказал полицейский господину в штатском и указал на герра Тонеса, который как раз в этот момент почувствовал себя снова живым.

— Герр Тонес! — начал человек в штатском.— Опять вы занимаетесь вашим обычным делом? Опять затеяли драку, потому что вам не понравились чужие взгляды?

— Я? — удивился герр Тонес.— Но я ведь никакого участия в драке не принимал. И ни единого слова не произнес.

— Вот как! — удивленно посмотрел на него человек в штатском.— Вы, оказывается, ничего не говорили! Это признание еще сильнее вас изобличает, потому что мы живем в условиях демократии, когда вам позволено все говорить. Я мог бы даже пойти дальше: когда вы обязаны все говорить, поскольку я являюсь представителем управления защиты конституции.

— Что? — удивился герр Тонес.— У нас и конституция имеется?

— Конечно! — поучающим тоном сказал человек в штатском.— И даже довольно обстоятельная: тридцать две страницы печатного текста. Мы правовое государство!

— Да,— добавил полицейский,— и не какое-нибудь, а одно из самых правовых! И что это взбрело вам, милый человек, в голову избивать честных людей, мирно сидевших за кружкой пива? Все тридцать два человека из задней комнаты, которых мы временно задержали, в один голос заявили, что вы ворвались в заднюю комнату с пивной кружкой в руке и всех их зверски избили.

— Что вы! — пролепетал герр Тонес.— Ничего такого не было! Они пели: «Дрожат трухлявые кости...» Старую нацистскую...

— Вот как! — воскликнул человек в штатском.— И вам это не понравилось?..

— Нет!.. Как же... Да!.. Конечно, не совсем... Но мы живем при демократии! — нерешительно произнес герр Тонес.

— Вот именно! — заметил господин в штатском.— Вот именно! И при демократии не избивают до беспамятства тридцать два человека просто потому, что те пели веселую песню, которая кому-то там не понравилась!

— Но я же вообще никого не бил! — простонал герр Тонес.

— Ха-ха! — язвительно засмеялся представитель полиции.— Ничего он не говорил, никого он не избивал! Чем же вы тогда вообще занимаетесь?

— Значит, вы ничего не делаете для защиты нашей демократии? — резко спросил герра Тонеса человек в штатском.— Вот, скажем, сидят тут тридцать два коммуниста, и вам это совершенно безразлично?

— Да!.. Нет!.. Все-таки... Конечно, не совсем... Но как же это? То ведь были совсем не коммунисты!—испуганно произнес герр Тонес.

— Откуда это вам известно? — заинтересовался полицейский.

— Ну как же! — сказал герр Тонес.— Те ведь никак не станут петь нацистские песни!

— Теперь все ясно! — закончил допрос человек из управления защиты конституции.— Вы полностью отдавали себе отчет в том, что те тридцать два человека не были коммунистами. И тем не менее вы направились туда и избили их. Неслыханный произвол! Явное нарушение элементарнейших основ демократических отношений! Вы арестованы!



* * *

Два месяца спустя гамбургская газета «Бильд цайтунг»[2] сообщила:

«Дюссельдорф. К двум годам каторжных работ приговорен агент Рудольф Тонес, который по поручению секретной коммунистической службы избил 32 человека. Все пострадавшие находятся на пути к выздоровлению. Процесс снова показал, что работа органов защиты нашей демократии еще недостаточно оценена».

* * *

У стойки клиент шепотом спрашивает хозяина пивной:

— Значит, Тонес был агентом?

— Но мы ведь живем при демократии! — сказал хозяин.— Чего же вы хотите: чтобы судили 32 честных человека только потому, что они немножко пели?

— Ну, а драка? — удивленно спросил клиент.

— Драка — это старая традиция,— успокоил его хозяин, наливая тридцать две кружки пива, ибо, закончив пение песни «Хорст Вессель»,[1] господа в задней комнате всегда испытывали жажду.

* * *

А герру Тонесу, хотя свободного времени у него теперь достаточно, никак не приходят в голову новые строки для его новой карнавальной песенки.

Перевел с немецкого А. МАРИНИНСКИЙ.

[1] Нацистская песня.

[2] Бульварная реакционная газета.

Рисунки для Крокодила Н. КОБАРА (Румыния)



— Товарищ охотник! Непредвиденная ситуация — два зайца! За которым прикажете гнаться?



— Видишь, директор берет соловья в солисты.

— Еще бы! Кто не знает, что они родственники!



Мышонок:—Ах, какая дурная примета!

ЖИЛИ-БЫЛИ ДВА КОНГРЕССМЕНА...

Мобил — самый обычный город в штате Алабама. Но это только на первый взгляд. Ведь именно с Мобилом тесно связана жизнь и деятельность одного из выдающихся конгрессменов, гордости алабамских избирателей, Фрэнка Бойкина. Четырнадцать (!) раз избирался он в конгресс, можно сказать, возмужал и поседел в Капитолии. Несмотря на свои 77 лет, он и сегодня полон кипучей энергии и готов служить алабамцам, не щадя живота своего.

Вот почему в Мобиле стало на один праздник в году больше, чем у соседних, менее удачливых городов, а праздник так прямо и был назван — «День Фрэнка Бойкина».

К торжествам готовились тщательно. Особое рвение проявляли лидеры местных деловых кругов. Они запланировали обед в честь своего конгрессмена на пятьсот персон. Во время обеда предполагалось торжественно вручить мистеру Бойкину особую медаль — так называемую «Награду от жителей Мобила». Вместе с ней предполагалось поднести приветственный адрес, подписанный двумя тысячами самых прославленных мобильцев. Поговаривали о памятнике.

Предстоящий праздник обещал вылиться в двойное торжество, ибо его должен был украсить своим присутствием еще один конгрессмен, Томас Джонсон, друг и соратник Фрэнка Бойкина и, если хотите, его ученик. Мистер Джонсон на четверть века моложе мистера Бойкина и своими успехами в рядах демократической партии во многом обязан умудренному опытом коллеге.

...И вот настал долгожданный четверг. С утра в городе весело гремели оркестры, реяли на ветру стяги, официанты торопливо накрывали столы на пятьсот персон.

Но праздник в Мобиле так и не состоялся. Фрэнк Бойкин и Томас Джонсон не прибыли на торжества.

Их задержало не срочное заседание в конгрессе и не автомобильная катастрофа. Их задержали... судебные власти.

Оказалось, что Бойкин и Джонсон превратили свои кресла в конгрессе в неплохой источник дохода. С высоты вашингтонского Капитолия они протягивали руку помощи уголовным преступникам и уличенным в незаконных махинациях бизнесменам. За спасение грешных душ от суда и следствия Бойкин и Джонсон брали солидные взятки. Обтяпывали они эти делишки всегда через министерство юстиции, благо от Капитолия до него рукой подать...

Обнаружилось, например, что за 17 550 долларов они спасли от тюрьмы некоего мошенника Кеннета Эдлина. Сумма немалая! А подобных дел за ними насчитывают уже до 75!

Вот каким оказалось истинное лицо конгрессменов, призванных руководить жизнью нации.

Ну как тут не вспомнить следующие слова из американской предвыборной брошюры:

«Запомните! Вопреки широко распространенному мнению средний политический деятель—вполне приличный человек, который старается изо всех сил служить интересам тех, кто избрал его».

Нет, все-таки, кажется, надо верить широко распространенному мнению, а не этой брошюре!

В. НИКОЛАЕВ

Просто анекдот

— Как случилось, что вы не смогли найти себе защитника!— спросил судья заключённого.

— Как только защитники узнают, что я действительно не крал денег, они отказываются иметь со мной дело.

•

Официант: Что прикажете!

Клиент: Что-нибудь вызывающее изжогу немедленно, а не в три часа ночи.

•

— Меня беспокоит мой сын,— пожаловалась женщина психиатру.— Целый день он только тем и занимается, что лепит куличики из песка, и делает вид, будто ест их.

— Ничего страшного,— успокоил врач,— это — вполне нормальное поведение для ребенка.

— Да, но оно не нравится ни мне, ни его жене.

•

Самый короткий рассказ, которому была присуждена премия на конкурсе:

«Он: Ты согласна выйти за меня замуж!

Она: Никогда!

И они продолжали счастливо жить вместе».

•

— Питеру не нравится мое платье, и я не знаю, что делать.

— Что ж тут особенного!

— Не знаю, что менять: платье или Питера.

•

— Интересно, что делает Полина с годами, которые она систематически отнимает у себя!

— Охотно дарит их своим подругам.



СМЕНА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Рисунок Бориса ЛЕО

НЕТ, АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ!

Часы пробили двенадцать. Внуку идти в школу во вторую смену, а обед у бабки не готов. Прасковья Никитична ставит на огонь кастрюлю с будущим борщом и только тут вспоминает, что дома нет томата. А какой же борщ без томата? Прасковья Никитична как есть, в туфлях на босу ногу, отправляется в магазин. И вот томат куплен. Бабушка спешит назад, а ноги у нее не быстрые. В этот момент Прасковью Никитичну нагоняет участковый Меркулов.

— А, бабка Годунова! Хорошо, что увидел. Вас приглашает к себе товарищ Киселева.

— Милый, какие сейчас приглашения? У меня кастрюля на плите.

— Дело у Киселевой недолгое. Минут на пять, не больше.

И участковый Меркулов, как человек вежливый, *обходительный, берет бабку под руку и ведет* к Киселевой. А та вместо того, чтобы сказать гостье «Здравствуйте», говорит:

— Заседание суда считаю открытым,— и, повернувшись к бабке, добавляет:

— Подсудимая, что вы можете сказать по существу своего дела?

А «подсудимая» не знает ни существа, ни самого дела. Она знай твердит свое:

— У меня борщ еще не заправлен. Отпустите.

— Какой борщ?! — сердится судья.— Александр Иванович Шестеряков предъявил вам ряд серьезнейших обвинений. Вот почитайте его заявление.

Бабка Годунова вертит в руках заявление, а разобрать его не может, ибо родилась она давно, при царе Николае. В ее родном селе Бочажках, на Сумщине, школы не было. И хотя бабка Годунова прожила жизнь неграмотной, здравого смысла ей было не занимать. Она вернула судье заявление и спросила:

— А вы проверили, что здесь написано?

— Проверять Шестерякова? — удивилась судья.— Зачем? Александр Иванович врать не станет.

Итак, не опросив свидетелей (их даже не вызывали), не посоветовавшись с жителями поселка Косино (судья туда и не выезжала), Киселева выносит скоропалительное решение: сослать бабку Годунову сроком на два года в отдаленные места Красноярского края как тунеядку. И подает команду:

— Взять осужденную под стражу!

И вот бабка в камере. Она ошарашена. Бабка смотрит на банку с томатом, на свою ситцевую юбку, старенькую кофту и думает не о себе, не о том, как она будет жить в ситцевой юбке в холодном Красноярском крае. Бабка думает о внуке Юрке. Ведь он остался дома один, некормленый. А ему в два часа дня в школу!

Между тем внук Юрка набегался, наигрался, забежал на минутку домой, поесть. А обеда нет. Борщ давно выкипел. Из кастрюли клубами валит дым. Хорошо, у парня хватило сообразительности загасить под кастрюлей огонь. А есть тем не менее охота. Юрка отломил кусок хлеба, запил водой — и в школу. Вечером школьник пришел с занятий, а бабки по-прежнему нет. Парень съел еще кусок хлеба, похныкал и лег спать, забыв закрыть дверь на засов.

Рано утром из Москвы после суточного дежурства возвращается мать Юрки, Екатерина Михайловна. А дома непорядок. Дверь настежь. Юрка спит в кровати не раздевшись. Екатерина Михайловна будит сына, спрашивает:

— Где бабушка?

А тот сквозь сон отвечает:

— Ах, эта бабушка! Ушла вчера за томатом для борща, да так и пропала.

Дочери западают в голову страшные мысли. Дочь бежит из Косино в Люберцы. Стучит в дверь милиции.

— Помогите разыскать маму! Может, она попала под электричку? Может, у нее случился инфаркт?

— Нет, это не инфаркт! Это товарищ Киселева,— объясняет дочери дежурный по милиции.— Сходите к ней в суд. Она скажет, куда делась бабка Годунова.

Судья Киселева встречает Екатерину Михайловну весьма недружелюбно:

— А, дочь тунеядки! Вот кстати! Вам тоже предъявлен ряд серьезных обвинений!

Киселева протягивает дочери Прасковьи Никитичны заявление Шестерякова. Дочь читает, а в этом заявлении ни слова правды. Дочь пробует объяснить это судье, а та не слушает, отмахивается. Взволнованная женщина бежит в районную прокуратуру, просит приостановить действие *несправедливого приговора. А помощник прокурора* Карабанов заткнул уши.

— Некогда, некогда, гражданка. Через час вагон с осужденными должен быть отправлен в Красноярский край.

— Через час? Разрешите мне хоть поговорить с мамой!

Но Карабанов не разрешил и этого.

Так бабка Годунова и уехала в тапочках на босу ногу в далекий край, не повидав дочери.

Возмутительное беззаконие не могло, конечно, остаться незамеченным. По инициативе московских (а не районных) организаций республиканская прокуратура опротестовала приговор люберецкого суда и помогла бабке Годуновой возвратиться из ссылки домой.

Правда восторжествовала, а что дальше? Увы, районные организации не спешили с наказанием виновных. Только через одиннадцать месяцев после суда, и то лишь в результате настойчивых требований, Люберецкий райком партии провел расследование. Выяснилось, что заявление Шестерякова заставило, оказывается, пренебречь совестью не только судью Киселеву и помощника районного прокурора Карабанова, но и председателя поселкового Совета Косенко, который, как говорится в постановлении райкома, дал «необъективные справки о составе семьи и занятии гр. Годуновой», и зав. амбулаторией Бритову, которая, не освидетельствовав, не видя гр. Годуновой, составила «неправильное медицинское заключение о состоянии ее здоровья», и даже работников районного отделения милиции, проявивших «поверхностное отношение при разборе заявления тов. Шестерякова».

Всех этих лиц райком наказал. Одним дал выговор, другим — строгий выговор. Не наказан только Шестеряков. Он заварил кашу, подбил людей на беззаконие, а ему ни выговора, ни полвыговора. Жители Косино спрашивают: почему? А им отвечают:

— Неудобно. Александр Иванович — человек в районе известный, стоит ли его срамить?!

В самом деле, стоит ли?

Александр Иванович много лет живет на одной улице с Годуновой. Является ее ближайшим соседом, но ведет себя не по-соседски. Встретив Прасковью Никитичну на улице, демонстративно отворачивается. Скрипит зубами. Плюет на землю. В общем, делает все, что положено делать в плохом театре главе дома Монтекки при встрече с главой дома Капулетти.

За что же невзлюбил сосед соседку? Одни утверждают — из-за кур. Повадилась капулеттевская квочка копать червей на монтеккиевском огороде. Другие говорят: не из-за квочек, а из-за дочек. Одна будто отбила у другой жениха Степу. Третьи винят язык бабки Годуновой. Говорят, она критикует именитого соседа на всю улицу. В общем, Монтекки-Шестеряков объявил вендетту — кровавую месть. Решил избавиться от ненавистного семейства Годуновых. Избавиться, но как? Шекспировский Монтекки предпочел бы честный бой на шпагах. Монтекки из Косино сел строчить донос. А так как этот Монтекки был не обычным жителем поселка, а состоял в высокой должности заместителя директора трикотажной фабрики (той самой, которая выпускает модные вязаные кофточки и джемпера), то угодники из районного суда и прокуратуры не стали даже проверять обвинений, выдвинутых заместителем директора против истопницы местной почты.

— Стоит ли? Александр Иванович врать не станет.

А он соврал и был пойман за руку. И тут Александр Иванович ударил в набат:

— Помогите, наших бьют!

И «наши» бросились на выручку.

Большая группа заступников даже явилась вместе с Шестеряковым в редакцию.

— Это представители общественности,— сказал, рекомендуя своих заступников, Александр Иванович.

Среди представителей оказались директор фабрики Л. И. Коварская и секретарь парткома М. Р. Прохоров.

— Мы пришли, чтобы предостеречь редакцию от ошибки. Не верьте Годуновым. Они плохие люди.

— А вы знаете этих людей?

— Нет,— сказала директор.

— Нет,— добавил секретарь.

— Так познакомьтесь, поговорите. И вы убедитесь, что Шестеряков ввел вас в заблуждение.

Мать и дочь Годуновы находились тут же, в редакции. Коварская посмотрела на них, покраснела, но от знакомства отказалась.

— Я верю, они честные, хорошие. Шестеряков тоже честный, хороший. И я от имени дирекции фабрики прошу не писать критической статьи. Александр Иванович хотел помочь органам ОБХСС в борьбе с тунеядцами. Сигнализировал им, но ошибся. Разве за это наказывают?

Борьба с тунеядцами — это борьба не с бабушками, а с молодыми, полными сил бездельниками, чужеспинниками. А кто под видом этой борьбы сводит личные счеты, пусть пеняет на себя. Клеветать на честных людей, отправлять их в ссылку, и все это безнаказанно? Нет, Александр Иванович! Время сейчас не то!

Сем. НАРИНЬЯНИ



— Вас часто видят вместе. Это что — любовь или просто увлечение?

Рисунок О. КОРНЕВА (г. Куйбышев)

ПРОИСШЕСТВИЯ

Хвост Фортуны

Ее звали... допустим, что ее звали Сильва.

У нее были стройные ноги, тонкая талия и очаровательная головка. Она обращала на себя внимание, более того, ею восхищались.

Быть может, именно поэтому ее всегда сопровождал солидный, респектабельный мужчина. Он, несомненно, был намного старше ее. Возможно, он ее любил. Может быть, она отвечала ему тем же.

Но однажды Сильва вышла из дома одна. И эта прогулка оказалась для нее роковой. Не успела она как следует насладиться экзотикой окрестных дубрав, как кто-то пальнул в нее из вполне современной мелкокалиберной винтовки.

Выстрел попал в цель. Наступила зловещая тишина. А какой-то прохожий ехидно заметил: «Так ей и надо, вертихвостке!»

Реплика была злая, но содержала в себе некое рациональное зерно. Хвост у Сильвы действительно был. Возможно в свое время она им бездумно вертела. Ибо Сильве, как и многочисленным ее соплеменницам, были отнюдь не чужды безобидные собачьи страсти.

Трагическая гибель четвероногой красавицы могла остаться почти незамеченной, а ее собачьи прелести не были бы удостоены художественного описания на страницах сатирической литературы, если бы не Федор Яковлевич Яшкин. А товарищ Яшкин, между прочим, не дремал. Оседлав ведомственного «коня» мощностью в 70 лошадиных сил, он прискакал к месту происшествия в тот скорбный момент, когда сердце пострадавшей сделало последний удар.

Федор Яковлевич дико выпучил глаза и судорожно схватился за грудь. Но когда к Федору Яковлевичу вернулись физические силы и духовное равновесие, он зловеще засопел и решительно потребовал учинения розыска с применением карательных санкций.

Работники тбилисского городского управления охраны общественного порядка горю Яшкина посочувствовали, но к требованию применить карательные санкции отнеслись равнодушно.

Тогда Яшкин сообщил свое звание и занимаемую должность.

На впечатлительных тбилисских детективов это оказало немедленное действие. Они воспринимали дальнейшие указания Яшкина, как глас всевышнего. «Дело об убийстве» получило законный ход.

По указанию Яшкина окоченевшую собачку окружили траурным караулом и торжественно доставили в специальное медицинское учреждение на предмет вскрытия и составления официального протокола.

— Позвольте, зачем все это?! — с искренним недоумением осведомился кто-то из врачей.

— Видите ли,— скорбно сказал Яшкин,— мне необходимо знать общее состояние Сильвы в последний момент жизни.

По ходу дела было установлено, что кишечник Сильвы «заполнен полужидким химусом». Это Яшкина огорчило. Сильва — и вдруг на тебе: химус! Гуано, так сказать... Далее однако, выяснилось, что печень Сильвы в трагическую минуту находилась «без видимых изменений». Яшкин утешился. Как-никак, а умерла Сильва все-таки с достоинством!

Вслед за медицинской экспертизой последовала баллистическая.

А теперь, дорогой читатель, я спешу сообщить нечто весьма пикантное. Федор Яковлевич Яшкин — он вовсе не хозяин покойной Сильвы. При жизни ее Федор Яковлевич не имел к ней ни малейшего отношения. Он даже не был удостоен чести знать ее лично. Зато Яшкин хорошо знает владельца Сильвы. Более того, состоит у него в непосредственном подчинении. А бывший владелец Сильвы — крупный, уважаемый работник. И энергичный Яшкин решил отличиться.

Узрев поверженную Сильву, Федор Яковлевич констатировал, что капризная фортуна наконец обернулась к нему тем местом, за которое можно ухватиться.

Удача была редкостной, момент — подходящий. Федор Яковлевич крепко, обеими руками уцепился за предмет, некогда украшавший заднюю часть собачьей фигуры, и замер в ожидании служебного вознесения. Замер, так сказать, внутренне, а внешне Яшкин действовал. С утра до вечера он носился по городу с дохлой Сильвой, как с писаной торбой. Беспардонно громыхая уважаемым именем своего патрона, Федор Яковлевич пользовался им как мандатом, наделявшим его, Яшкина, чрезвычайными полномочиями.

Это не без его ведома была создана специальная медицинская комиссия в составе четырех квалифицированных врачей для освидетельствования Сильвиных потрохов. Это по его настоянию майор милиции Цуцкиридзе посвятил незабвенной собачке адресованный в криминалистическую лабораторию уникальный документ: «При этом препровождаю постановление на производство баллистической экспертизы и ВВИДУ ВАЖНОСТИ ВОПРОСА ОТВЕТ ПРОШУ УСКОРИТЬ».

Мы охотно допускаем, что Сильва была породистой собакой. Мы готовы уверовать в ее добрый характер и незаурядный ум. Больше того, мы даже готовы упрекнуть милиционера Шахулова, который, по указанию Тбилисского городского Совета, уничтожая бродячих собак, допустил оплошность.

Все это так. Но следовало ли из-за одной, пусть породистой и любимой собаки отрывать от дела двадцать квалифицированных специалистов, а заодно взывать к отмщению?

И все из-за того, что усердный Яшкин сгоряча принял рядовой собачий хвост за хвост фортуны!

Б. ДАНЕЛИЯ,
специальный корреспондент Крокодила

г. Тбилиси.



— Сегодня начальство для проверки прибудет. Попридержи язык!

Рисунок Е. ШУКАЕВА

КРОКОДИЛ, ДРУЖИЩЕ!

Нет предела дотошной мысли рационализаторов! Об одном новшестве я и хочу тебе рассказать.

Не так давно в Харькове в часы «пик» были большие очереди на троллейбус. Как помочь беде? Казалось, единственный выход — увеличить количество рейсовых машин. Но если ты так думаешь, то, значит, не знаешь наших рационализаторов из трамвайно-троллейбусного управления.

В один прекрасный день на линии появились троллейбусы, у которых половина кресел была снята. Народу, конечно, в такие салоны стало набиваться, как сельдей в бочку. Писк, давка, пуговицы летят! А водители подбадривают: «Жмите веселей! В тесноте, да не в обиде».

Так без всяких затрат была разрешена жгучая транспортная проблема. И не только разрешена. Представь только, какие тут заложены резервы! Ведь эти кресла можно укрепить на крыше, и получится элегантный, комфортабельный двухъярусный троллейбус, какого нет ни в одном городе.

И все без каких-либо затрат, только за счет взлета рационализаторской мысли.

В. АНОХИНА

г. Харьков.

Эмиль КРОТКИЙ

ЧИТАЯ И ДУМАЯ

Убогая и нарядная

Твоя мыслишка не нова
И, в сущности, жалка,
Но ты рядишь ее в слова,
Как женщину в шелка.
Ты прав. Всегда (сошлюсь на ряд
Свидетельств давних дней)
Тем краше должен быть наряд,
Чем женщина дурней.

Кто-нибудь да прав

О нем премного всяких мнений,
И так и этак говорят.
Кто говорит, что он-де гений,
А кто,— что он дегенерат.

В наш огород

Есть сорняки на книжной полке.
Она нуждается в прополке!

Азбука здоровья

Если нужен человеку
Жизнетворный витамин,
Он идет за ним в аптеку
Или... в книжный магазин!
Если книга вызывает
Свет улыбки на лице,
Эта книга заменяет
Витамины «А», «Б», «Ц».

Нетрудолюбивая пчела

С любых цветов сбирая мед,
Больших усилий он не тратит.
Его талант свое возьмет
(Да и чужое тож прихватит!).

Около литературы

Он поэтический свой чуб
Так поэтично крутит,
В литературный ходит клуб,
Литературно шутит.
Он «начинающий поэт»...
— Ну, а писать он начал?
— Нет!
Литературой дышит,
Но... ничего не пишет.

Сам не свой

В нем все чужое. Полон рот
Вставных зубов, чужих острот.

Дон-Кихот

Ценя, как лавры, синяки,
На них имея шансы,
Чудак советам вопреки
Пошел войной на ветряки,
К испугу Санчо Пансы.
Нельзя сказать, что Дон-Кихот,
Идя на это дело,
Тем самым сделал тонкий ход,
Но это было смело.

Совет переводчику

Надеясь на подстрочник,
Не плюй в первоисточник.

Кому как

Не всем сопутствуют удачи
На творческом пути.
Не всем в стенах уютной дачи
Убежище найти.
Вступив на путь литературы,
Изведал Данте ад.

Петрарка был певец Лауры,
Но не лауреат.

НИКОЛАЙ ДАВИДОВИЧ ШВЕЛИДЗЕ,

главный редактор грузинского сатирического журнала «Нианги»

(К 50-летию со дня рождения)



Дружеский шарж Е. ШУКАЕВА

Нарочно не придумаешь

СМЫСЛУ ВОПРЕКИ



С некоторых пор в искусстве наметилось новое течение. Нет, нет! Речь идет отнюдь не об абстракционизме. Разговор пойдет об оформительском мастерстве. Как сделать рекламу броской, запоминающейся? Как приковать к ней всеобщее внимание?

В Керчи решили вопрос просто: чем нелепее объявление — тем больше эффект. И соорудили такую рекламу (фото № 1).

Говорят, что керченцы часами простаивают возле нее, стараясь разгадать скрытый смысл.

2



Не ударили, как говорится, лицом в грязь и ленинградцы, поместившие в центре города объявление о собаках (фото № 2).

Чувствуется, что художник по-настоящему потрудился, старательно выводя текст. Но смысла от этого в объявлении не прибавилось. Так и хочется добавить внизу такие слова: «Запрещено загрязнять подобными объявлениями территории наших городов».

Как видите, новый жанр изобразительного искусства прочно входит в быт.

А. Н.

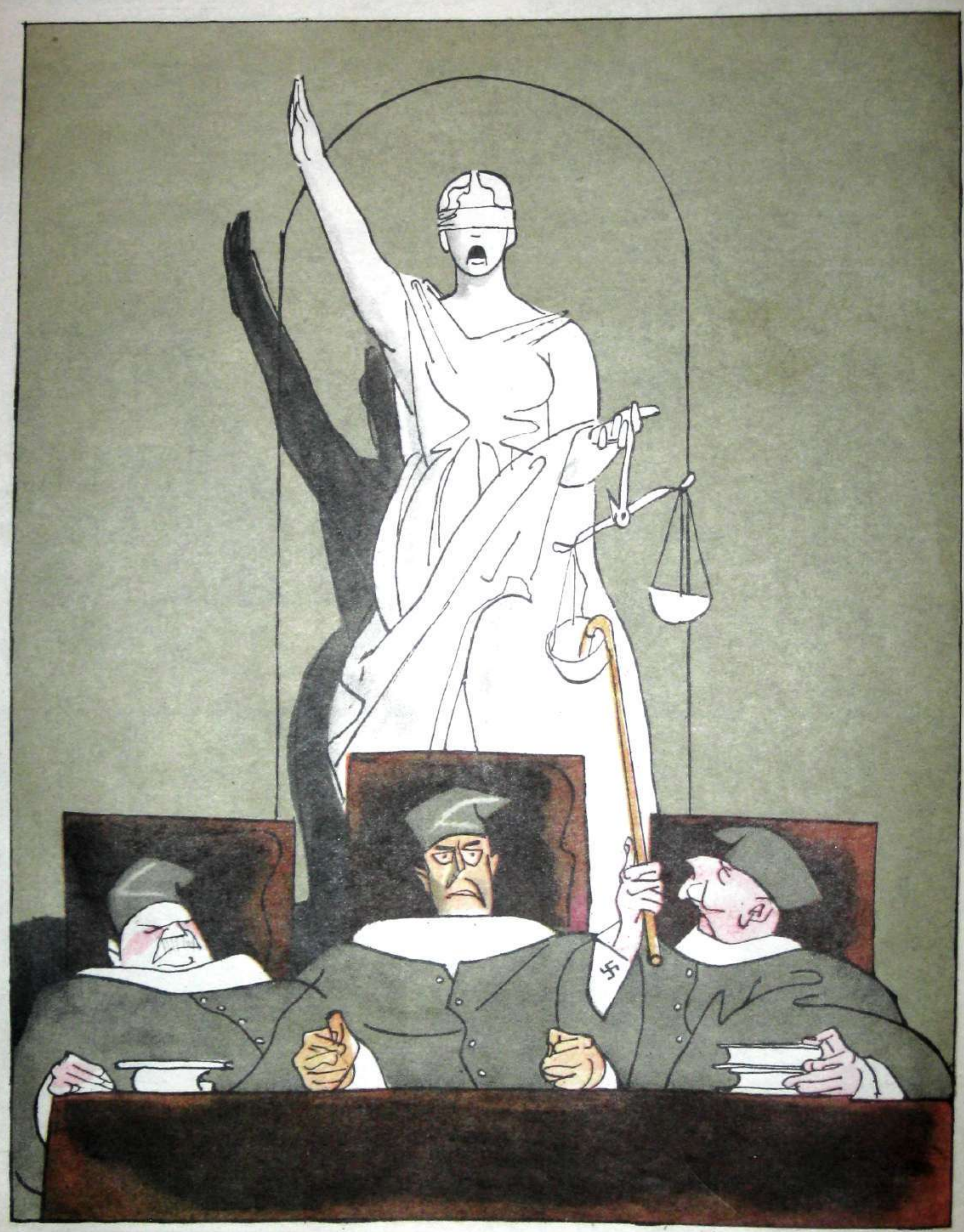
Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 00009. Изд. № 158. Подписано к печати 9/I 1963 г. Формат бум. 70×108⅛. Тираж 1 700 000 экз. Заказ № 7. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

СЛУЧАЙ В ЗАПАДНОГЕРМАНСКОМ СУДЕ



Фемида: — Хайль Гитлер!

Рисунок В. ГОРЯЕВА

70436

Цена номера 12 коп.